

Главная тема

Русский курьер — 2004 — 21 мая — с. 16, 17

На моем месте должен был быть мальчик-чеченец

Алина РЕБЕЛЬ

— Асет, раскройте тайну — как вы попали на НТВ?

— Леонид Геннадьевич Парфенов позвонил мне и сказал, что у него есть ко мне предложение. При встрече он объяснил, что хочет сделать программу с новым парным ведением, что-то в стиле CNN, и одной из ведущих желает видеть меня. Я подумала и согласилась.

— А где вы работали до того?

— На тот момент нигде не работала, сидела дома — у меня ребеночку три недели всего лишь было. До этого успела закончить журфак и выйти замуж.

— А откуда же Парфенов о вас узнал?

— Оказалось, что у нас с Леонидом Геннадьевичем есть общий друг Марк Уоррен, который на тот момент возглавлял московское отделение «Дейли телеграф». Будучи в Нью-Йорке, Парфенов с ним встретился и поделился творческими планами. Когда Марк услышал, что Парфенову нужна девушка-чеченка, тут же предложил меня.

— Асет, не обижайтесь, но поначалу, когда вы только появились на экране, в вашей речи все же ощущался акцент. Вы как-то ставили речь, занимались с репетиторами?

— Да, я сначала занималась с Анной Николаевной Шатиловой, она меня вводила в курс дикторского дела. А потом уже конкретно дефекты дикции и речи мы корректировали с Анной Николаевной Титовой — она профессор, преподавала актерам театра. То есть работа была проделана серьезная: в эфир мы вышли в конце февраля, а с репетиторами заниматься я начала с 1 сентября. Занималась часа по два пять раз в неделю. Остальные трое ведущих из нашей команды — Леша, Ан-

тон и Юля — на тот момент уже имели ценный опыт работы перед камерой. У меня же такого опыта не было. Я даже съемку на домашнюю камеру вынести не могла. Поэтому мне приходилось тренироваться — в маленькой студии, откуда у нас выходит «Сегодня», в перерывах между новостями читать папку новостей. Она по времени рассчитана на три часа — я же поначалу читала ее за четыре часа. Это обычная практика для начинающих ведущих. И так я репетировала каждый день — целых полгода.

— Страшно было перед эфиром?

— Первое время, конечно, было страшновато.

— Как вы относитесь к тому, что вас выбрали исключительно по национальному признаку?

— Очень спокойно к этому отношусь. Конечно, на тот момент лично я никакого интереса для телевидения не представляла. Но я абсолютно согласна с позицией Парфенова, который посчитал ненормальным, когда в огромной стране, где проживает более 120 национальностей, на центральном телевидении нет ни одного нерусского лица. Чеченская проблема и сегодня стоит очень остро. В такой ситуации идея посадить девочку-чеченку в эфир была очень правильной. Поначалу, кстати, Парфенов хотел мальчика-чеченца. Но потом подумали, что люди пока еще не готовы к такому радикальному шагу. И получилось необходимое преломление образа, возможность показать, что это есть, что от этого не надо отворачиваться и надо учиться мириться с этим. Ведь это наша территория, наше государство, наши люди. Я очень рада, что хотя бы один человек на телевидении это понимает.

— Вам приходится говорить о событиях в Чечне. Бывали моменты, когда о чем-то говорить не хотелось в принципе?

— Ну вы знаете, как бы больно ни было, просто закрыть глаза — это глупая позиция. Если мне задают вопрос, я отвечаю. Уходить от этого нет смысла — я не отвечаю, другой ответит. Тем более что всегда есть что сказать.

— Вы свой текст пишете сами?

— В этом смысле у нас очень налаженная работа: в команде есть несколько продюсеров, каждый из которых отвечает за определенную те-

матику, и специальный человек, который составляет подводки к темам. Естественно, это все потом общими усилиями отработывается, оттачивается. Все подводки отсматривает сам Парфенов.

— Вы можете отказываться произносить что-либо в эфире?

— Поначалу такие глупости со мной происходили. Например, мне тяжело было произнести в эфир слово «мужеложство». А потом я поняла, что все это ерунда. И сейчас вряд ли какое слово может меня смутить.

— Как вы готовитесь к эфиру?

— Мы собираемся на общую летучку по каналу, потом проходит маленькая летучка нашей программы. И с божьего утра сидим за машинами и решаем, что пойдет, как лучше это подать. Естественно, ведем работу наперед, потому что сюжеты на сложные темы надо делать заранее. В семь вечера пишем анонс, который будет в эфире в семь тридцать. И после девяти — эфир. А когда не наша смена, все занимаются своими делами.

— Как давно вы в Москве?

— С 1997 года — за два года до этого, в 1995-м, я по-

ступила на журфак в Питере. И лишь потом перевелась в МГУ.

— Вы бываєте в Чечне?

— Была в прошлом году. Как только пересекаешь границу Ингушетии и Чечни, в душе происходит полная дисгармония. Ты понимаешь, что это место, где ты вырос, это твоя малая родина. И ты это место не узнаешь: этот исковерканный, в развалинах и в руинах Грозный. Там уже даже нет тех руин, по которым можно было бы опознавать знакомые здания, нет ни школы, ни нашего дома. Только серые горы,